

Чжу Яньхуэй посмотрел на то, как тот держится — словно дикарь какой-то... нет, неотесанный боец из Цзянху, — и его головная боль лишь усилилась:

— Через пять дней отправишься вместе с молодым главой Чжао на Собрание боевых искусств.

Чжу Яньинь опешил:

— А?

В этот момент из передней залы вышел еще один человек. На вид ему было лет двадцать пять-двадцать шесть, он выглядел статно и мужественно. Это был не кто иной, как молодой глава клана Минцзянь Чжао Минчуань.

В обычное время Чжу Яньхуэй ни за что не стал бы связываться с кланами Цзянху. Но беда была в том, что его младший брат повредился умом, и лекари со всей страны оказались бессильны. Единственной надеждой оставался первый Божественный целитель Цзянху.

Этот великий лекарь принимал больных исключительно под настроение, деньгами его было не завлечь, и все посланники Чжу Яньхуэя раз за разом целовали закрытые двери. Делать было нечего, пришлось обратиться за помощью к Чжао Минчуаню, который пользовался большим уважением в мире боевых искусств. Как раз кстати, семья Чжао хотела воспользоваться влиянием усадьбы Чжу в Цзяннани, чтобы расширить торговлю оружием. Стороны быстро пришли к согласию, договорившись и о поисках целителя, и о совместном деле.

Чжу Яньхуэй продолжил:

— Третьего числа пятого месяца в Цзиньчэне состоится Собрание боевых искусств. Поговаривают, Божественный целитель тоже там будет.

Чжу Яньинь тут же спросил:

— Когда выезжаем?

Чжу Яньхуэй посмотрел на него со сложным выражением лица, которое так и говорило: «Я же знал, что ты все еще рвешься в Цзянху! Зачем только что обманывал меня, уверяя, будто "вовсе не стремишься в мир боевых искусств"? Погляди на себя, тебе не терпится отправиться в путь. Какой же ты неразумный, младший брат, у меня от тебя голова раскалывается».

Чжу Яньинь мысленно взмолился: «Да нет же, выслушай меня! Я сказал это только ради твоего же успокоения!»

В тот же вечер они собрали вещи, подготовили повозки с лошадьми и двинулись в сторону Цзиньчэна.

Чжао Минчуань оказался человеком открытым и приятным в общении. Буквально за пару дней Чжу Яньинь сблизился с ним, они стали приятелями по застольям, и Чжу Яньинь разузнал немало о делах в Цзянху. К примеру, Собрание боевых искусств не проводилось строго раз в год: если во всех четырех сторонах света царили мир и покой, его могли не созывать и десять лет. Но стоило какому-нибудь злодею учинить смуту, как мастера могли собираться хоть по восемь раз за год.

Чжу Яньинь спросил: «Значит, на этот раз в Цзиньчэне беспорядок?»

Чжу Яньинь спросил:

— Значит, на этот раз смута в Цзиньчэне?

— В Сюэчэне. В северо-восточном Сюэчэне вновь поднял голову Демонический культ, — объяснил Чжао Минчуань. — А Собрание боевых искусств решили провести в Цзиньчэне ради того, чтобы пригласить одного человека.

— Кого?

— Владыку дворца Ли Суя из Дворца Ваньжэнь в Цзиньчэне.

Раз уж сотни праведных сект и кланов собрались в Цзиньчэне ради него одного, Чжу Яньинь предположил:

— Должно быть, это выдающийся и великий человек.

Чжао Минчуань кивнул:

— Его боевые искусства непревзойденны во всем мире.

— Насколько непревзойденны?

— Таких, как я, он одной левой уложит целую сотню.

Чжу Яньинь слегка изумился, выражая тем самым почтение. Про себя он рассудил так: сам он не одолеет и половины Чжао Минчуаня, а тот владыка может одолеть сотню. Сто человек — это действительно невероятная сила.

Чжао Минчуань со вздохом добавил:

— Хотя владыка дворца Ли обладает невероятным мастерством, он никогда не вмешивается в дела Цзянху. Неизвестно, согласится ли он помочь на этот раз.

Чжу Яньинь подлил ему чаю:

— Даже если Дворец Ваньжэнь откажется помогать, неужели сплотившиеся праведные кланы не справятся с Демоническим культом? В книжках, что я читал, все эти злодеи обычно живут в мрачных, темных чертогах, вечно жаждут кого-то убить, носят черные как ночь одеяния, щеголяют бледными, как у призраков, лицами и держат при себе писанных красавиц. Еще они любят украшать стены всякой чертовщиной и мнить себя непобедимыми. Но на самом деле все это глупо и не стоит выеденного яйца.

Чжао Минчуань лишь снова вздохнул.

...

Цзиньчэн, Дворец Ваньжэнь.

В просторном подземном зале холод, казалось, насквозь пропитал каменные стены и ступени. Из расщелин в камнях упрямо пробивались белые призрачные лотосы, раскинувшись в воздухе пышными ярусами.

Теневой страж доложил:

— В городе собирается все больше и больше кланов из Цзянху.

Мужчина в черном одеянии полулежал в каменном кресле. Лицо его оставалось безучастным. Он скользнул кончиками пальцев по лепесткам призрачного лотоса:

— Пусть делают что хотят.

Страж с беспокойством произнес:

— Но на этот раз они, похоже, твердо вознамерились уговорить владыку дворца вмешаться.

— Игнорируйте их.

— А если глава Альянса боевых искусств лично прибудет с визитом?..

Ли Сую надоел этот разговор. Он поднялся с места и направился во внутренние покои дворца.

— Тогда убейте их.

Что тут скажешь? Мрачные чертоги, призрачные лотосы, нагоняющие жути, черные одежды, бледное лицо, угрозы убийством и абсолютная непобедимость.

Великому владыке дворца Ли не хватало лишь одной детали — прекрасной обольстительницы, которая сама бы явилась к его порогу, чтобы полностью собрать «семь классических признаков злодея из Цзянху».

Между тем Второй молодой господин Чжу, который как раз добровольно прибыл в город, сейчас завороченно смотрел на величественные ворота из серого камня, озаренные лучами заходящего солнца.

О, так вот ты какой, Цзиньчэн!

Цзиньчэн располагался на Северо-западе и совсем не походил на тихий, изящный Цзяннань. Хотя лето уже вступило в свои права, налетающий ветер нес с собой тучи песка, отчего нещадно резало глаза. Чжу Яньинь купил в лавке у дороги легкий шарф и по примеру местных жителей укутал лицо так, что осталась лишь узкая щелочка для глаз.

— Когда же мы встретимся с Божественным целителем? — глухо спросил он из-под ткани.

Чжао Минчуань ответил, что придется подождать еще дней семь-восемь, а может, семнадцать-восемнадцать, а то и все двадцать семь-двадцать восемь.

Чжу Яньинь:

— ...

Чжао Минчуань поспешил успокоить его:

— Божественный целитель Цзян редко задерживается на одном месте, но раз уж он пообещал приехать на Собрание боевых искусств, то точно сдержит слово. К тому же в Цзиньчэне сейчас очень оживленно, так что давай просто погуляем, полюбуемся местными красотами и развеемся.

Пока они разговаривали, по улицам города с завыванием пронесся очередной порыв ветра.

Хозяин соседнего книжного развала не успел прижать товар, и несколько листов взмыли в воздух, в точности приземлившись на лицо Второго молодого господина Чжу.

— Ой! — Чжу Сяосуй поспешно стянул листок с лица хозяина. Посмотрев на изображенное там синелищее клыкастое чудище, он брезгливо поморщился: — Что это еще за гадость?

— Свежий портрет главы Демонического культа! — подбежавший торговец принялся собирать разлетевшиеся бумаги, попутно расплываясь в улыбке: — Не желают ли молодые господа приобрести парочку?

Чжу Яньинь удивился:

— Неужели на такое есть спрос?

Чжао Минчуань пояснил:

— Глава Альянса боевых искусств разослал по Цзянху указ: за любые сведения о местонахождении Читяня положена щедрая награда.

Читянь был тем самым главой Демонического культа, против которого ополчились мастера. По слухам, он владел невероятно грозными, зловещими боевыми искусствами. Впрочем, бесчинствовал он пока исключительно на Северо-востоке, и жители Северо-запада еще не успели познать на себе всю его жестокость. Поэтому они особо не боялись, а прослышав о великой награде от Альянса боевых искусств, бросились разузнавать, как выглядит злодей. Портреты раскупались мгновенно, стоило им только появиться в продаже. Каждый горожанин боялся упустить шанс разбогатеть, если вдруг случайно столкнется с главой культа лицом к лицу и не узнает его.

Ветер поднялся снова, и торговец бросился собирать разбросанные по земле книги. Заметив, что бедняк одет совсем не по погоде и, судя по всему, едва сводит концы с концами, Чжу Яньинь отправил своего слугу помочь ему, а заодно велел:

— Спроси, сколько стоят все эти книжки с историями. Выкупи их и отнеси на постоянный двор.

Услышав это, Чжу Сяосуй тут же уныло опустил брови. «Надо же, память потерял, а привычка скупать книги осталась!» — подумал он. Неохотно, мелкими шажками он подошел к развалу, помог торговцу собрать разбросанные тома и с важным видом слуги из богатого дома спросил:

— Мой молодой господин желает приобрести книги для досуга. У тебя найдутся еще запасы?

— Есть, конечно есть! — оживился торговец. — Какие именно книги интересуют господина?

Чжу Сяосуй надменно перечислил:

— «Три могилы и пять канонов», «Восемь летописей и девять холмов».

Торговец растерянно моргнул.

Чжу Сяосуй вздохнул и спросил попроще:

— Ну а «Гуанян Чжуань» и «Гулян Чжуань» у тебя хотя бы найдутся?

Торговец лишь указал на свою корзину — мол, такого добра нет, торгую только тем, что есть здесь.

Все книги были сплошь о Цзянху. К примеру, «Десять нераскрытых тайн Цзянху», «Сто вещей, которые должен знать молодой воин, вступая в Цзянху», а также изданные самими орденами истории вроде «Путь к успеху главы клана Хуаншань: пока другие видят проблемы, я вижу возможности». Словом, одна обложка была пестрее другой.

У Чжу Сяосюя даже руки дрожали, когда он отсчитывал серебро.

Из-за приближающегося Собрания боевых искусств город наводнили люди из Цзянху. Чжу Яньиню не хотелось сидеть взаперти на постоялом дворе, поэтому он расспросил Чжао Минчуаня о красивых местах в окрестностях Цзиньчэн, намереваясь не торопясь прогуляться и скоротать время.

Постилая постель своему господину, Чжу Сяосуй тяжело вздыхал. Кто знает, когда этот Божественный целитель Цзян соизволит явиться в Цзиньчэн? Ох уж эти люди из Цзянху — грубые и совершенно ненадежные, как ни посмотри.

Тем временем во Дворце Ваньжэнь Цзян Шэнлинь, которого, должно быть, кто-то поминал недобрым словом, трижды или четырежды чихнул. Его рука дрогнула, отчего тушь на бумаге расплылась, и лицо главы Демонического культа вышло еще более черным и уродливым. Только целитель собрался выбросить испорченный лист и начать заново, как Ли Суй распорядился:

— Позови еще десяток учеников, пусть скопируют этот рисунок. Отправьте их в лавки как можно скорее.

В Цзян Шэнлине еще теплились остатки совести. Понимая, что пытаться заработать на подобной мазне — форменный грабеж, он предложил:

— Может, я все-таки кое-что подправлю?

Ли Суй забрал у него лист рисовой бумаги:

— Ты же не портрет своего предка из рода Цзян рисуешь. К чему такое усердие?

Цзян Шэнлинь:

— ...

«Ладно, не стоит злиться. Другие пусть злятся, а я поберегу нервы, ведь если заболею от гнева, никто меня не вылечит», — мысленно успокоил себя целитель.

То, что в представлении жителей Цзиньчэна глава Демонического культа выглядел как синелицый свирепый бес, целиком и полностью являлось заслугой семи или восьми книжных лавок Дворца Ваньжэнь. Когда недавно Альянс боевых искусств утром объявил о щедрой награде, уже к полудню портреты Читяня наводнили весь город. Горожане расхватывали их толпами, устраивая потасовки из-за каждого листа. По популярности эта мазня могла поспорить с «Десятью самыми пикантными любовными историями Цзянху».

Цзян Шэнлинь спросил снова:

— И когда ты собираешься отправиться в Сюэчэн?